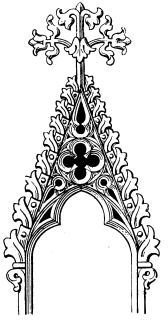
Дневники вампира



The Vampire diaries

L. J. Smith

The Fury

Дневники вампира

Л. Дж. Смит

Ярость

Москва
«АСТ»
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
С50

Перевод с английского: *Э. Лапп*

Иллюстрация на обложке: *Александр Крылов*

Дизайн обложки: *Ю. С. Межова*

Смит, Л. Дж.

С50 Дневники вампира. Ярость / Л. Дж. Смит.— М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2010.— 285, [1] с.

ISBN 0-00-00000-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-1714-5 (ООО «Астрель-СПб»)

Долгожданное продолжение книг «Пробуждение» и «Голод».

Елена — «золотая» девочка и королева выпускного бала — постепенно погружается в темный омут вампирских тайн. После трагической гибели она становится вампиром. Одновременно в ее родном городке Феллс-Черч начинают происходить странные и зловещие события. Елена не может бросить горожан на произвол судьбы, она со своим возлюбленным — вампиром Стефаном и его братом Дамоном принимается за расследование и поиски таинственной Другой Силы. Братья все еще борются за сердце красавицы, но ей хочется лишь одного — докопаться до правды и положить конец разгулу нечисти. К счастью, не оставляют Елену и верные друзья. Только если все они объединятся, у них появится шанс сразиться с силами зла, но какую цену им придется заплатить за это?

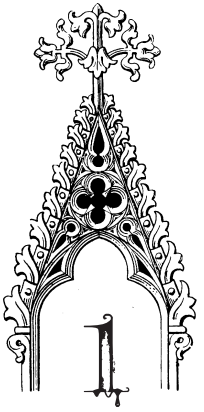
УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Подписано в печать с готовых диапозитивов.
Формат 70 x 100 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 11,61.
Тираж Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953. Д.009937.09.08. от 15.09.2008 г.

© 1991 by Daniel Weiss Associates, Inc. and Lisa Smith
All rights reserved
© Э. Лапп, перевод 2010
© ООО «Астрель-СПб», 2010



1

Елена шагнула на поляну.

Опавшие листья под ногами смерзлись в коросту. Сгустились сумерки, и, несмотря на утихший шторм, в лесу становилось все холоднее и холоднее.

Елена не чувствовала мороза.

Не заботила ее и темнота. Зрачки расширились и пропускали невидимые для простых смертных частицы света. Ей были хорошо видны две фигуры, борющиеся под большим дубом.

У одного были густые черные кудри, растрепанные ветром. Он был несколько выше противника, и, хотя Елена не могла видеть его лица,

она каким-то образом знала, что у него зеленые глаза.

У другого тоже была копна черных волос, но гладких и прямых, как шерсть животного. Он в ярости скалился и своей небрежной грацией напоминал хищника перед прыжком. Глаза у него были черные.

Елена смотрела на них несколько минут, не двигаясь. Она забыла, зачем пришла сюда, зачем эхо их битвы, звучащее в голове, призвало ее. Ярость, ненависть и боль дерущихся были так близко, что оглушали, как и их беззвучные крики. Двое сцепились в смертельной схватке.

«Интересно,— подумала она,— кто победит?» Оба были серьезно ранены, у высокого рука была неестественно вывернута, но несмотря на это он только что чуть не размазал второго по кривому стволу дуба. Его ярость была так сильна, что Елена слышала ее, чувствовала ее вкус. Она знала, какую невообразимую силу придает ему гнев.

И тут Елена вспомнила, зачем пришла. Как можно было забыть? Он был ранен. Его сознание вызвало ее сюда, обдав волнами бешенства и боли. Она пришла на помощь, потому что принадлежала ему.

Двое, рыча как волки, боролись внизу на промерзшей земле. Елена приблизилась к ним быстро и бесшумно. Кудрявый и зеленоглазый — Стефан, как напомнил ей голос в голове,— был сверху и сжимал горло противника. Елену охватил гнев, гнев и желание защитить.

Она вклинилась между ними.

Елена даже не задумывалась, что у нее может не хватить сил. Нужно было сделать это во что бы то ни стало. Она всем телом отклонилась в сторону, оттаскивая своего пленника. К счастью, Елена сильно задела поврежденную руку противника, опрокинув его навзничь в припорошенную листьями грязь. Затем она стала душить врага сзади.

Нападение застало его врасплох, но до поражения было еще далеко. Он схватил ее за горло, большой палец уперся в трахею.

Елена попыталась вцепиться в руку зубами. Рассудком она не могла этого осмыслить, но тело действовало само. Зубы были оружием, они пронзили плоть до крови.

И все же он был сильнее. Резким движением плеч стряхнул захват, развернулся и повалил ее. Когда он оказался наверху, его лицо исказила звериная ярость. Она зашипела и потянулась ногтями к глазам врага, но тот ударил ее по руке.

Это было самоубийство. Даже раненый, он был намного сильнее: звериный оскал, зубы, уже запятнанные багровым. Он был готов к удару, как кобра, и вдруг остановился, замер над ней, меняясь в лице.

Елена видела, как округлились зеленые глаза. Зрачки, две злые точки, внезапно расширились. Он смотрел на нее так, как будто видел первый раз.

Но почему? Почему он просто не покончил с ней? Железный захват на плече ослабел. Звериная гримаса на его лице сменилась просто удивлением. Он сел, помог подняться ей, заглядывая в лицо.

— Елена,— прошептал он. Голос звучал хрипло.— Елена, это ты?

«Я ли это?» — подумала она.

Это не имело значения. Она бросила взгляд на старый дуб. Второй был все еще здесь, стоял среди огромных корней, задыхаясь, держась за горло рукой, и смотрел на нее бездонными черными глазами, сердито сдвинув брови.

«Не беспокойся,— подумала она.— Я справлюсь с ним. Он глуп». И снова кинулась к зеленоглазому.

— Елена! — закричал тот, когда она сбила его с ног. Он попытался оттолкнуть ее здоровой рукой: — Елена, это я, Стефан, смотри!

Она смотрела. Все, что она видела,— это незащищенную полоску кожи на его шее.

Она снова зашипела, задирая верхнюю губу и показывая ему зубы.

Он замер.

Она почувствовала, как шок на секунду парализовал его, увидела, как потускнел его пристальный взгляд. Стефан побледнел, будто кто-то со всей силы ударил его в живот. Лежа на грязной земле, он слегка тряс головой, словно пытался прийти в себя.

— О нет,— раздался его шепот.

Казалось, он говорил сам с собой, не предполагая, что она может услышать. Попытался погладить ее по щеке, она лязгнула зубами.

— Елена...— прошептал он.

С его лица исчезли последние следы животной ярости и жажды крови, взгляд стал изумленным и обиженным.

И еще в зеленых глазах было горе. Елена воспользовалась паузой, чтобы дотянуться до обнаженной полоски кожи на горле. Он поднял руку, чтобы оттолкнуть ее, но потом опять уронил.

Мгновение он смотрел на нее со страшной болью во взгляде, а затем просто сдался, полностью покорившись ей. Она почувствовала, как его тело перестало сопротивляться. Он лежал на мерзлой земле, в его волосах запутались кусочки дубовых листьев. Его зеленые глаза смотрели куда-то в небо.

«Покончи уже с ним»,— сказал утомленный голос в ее сознании.

Елена колебалась всего мгновение. В глазах Стефана было что-то, что будило смутные воспоминания. Лунный свет, комнатка на чердаке... Жаль, воспоминания были слишком размытыми, она не могла ухватить их, любая попытка напрячь память вызывала приступ тошноты.

Этот зеленоглазый, Стефан, должен был умереть, потому что он посмел обидеть того, для кого Елена рождена. Никто не имеет права обидеть его и остаться в живых.

Она со всей силы вонзила зубы в его горло.

Внезапно девушка поняла, что делает это не совсем правильно. Она не дотянулась до артерии

или вены и злилась на свою неопытность. Вообще кусать кого-то было приятно, но крови было очень мало.

Она в бешенстве повторила попытку. Его тело содрогнулось от боли.

На этот раз получилось гораздо лучше — она попала в вену, хотя и не пробила ее достаточно глубоко — образовалась лишь маленькая ранка, а нужно было распотрошить сосуд, чтобы теплая, густая кровь полилась наружу.

Ее жертва содрогалась, пока она неловко терзала зубами горло. У нее как раз начинало получаться, когда чьи-то руки потащили ее прочь.

Елена зарычала, не разжимая зубов, но ее не отпустили. Одна рука обвилась вокруг талии, другая вцепилась в волосы. Она боролась, впившись зубами и ногтями в свою добычу.

«Оставь его!»

Голос был подобен порыву ледяного ветра. Елена узнала его и перестала сопротивляться. Когда, уже лежа на траве, она повернулась и увидела его, в голове всплыло имя. Дамон. Его звали Дамон. Она смотрела на него, и в ее взгляде были гнев и обида: ей не дали добить жертву. Но еще там была безграничная покорность.

Стефан сидел на земле, все его горло было в крови, она текла на рубашку. Елена облизнула губы, почувствовав дрожь, как при внезапном приступе голода. Ощущение пронизало все тело. Ее опять мутило.

— Я ослышался,— спросил Дамон громко,— или ты сказал, что она мертва?

Он смотрел на Стефана, еще больше побледневшего и не скрывавшего отчаяния.

— Посмотри на нее,— бросил он.

Елену взяли за подбородок и потянули вверх. Она посмотрела прямо в прищуренные глаза Дамона. Тонкие длинные пальцы коснулись ее губ, проскользнули между ними. Елена инстинктивно попыталась укусить их, но не очень сильно. Дамон нащупал острое лезвие клыка, и на этот раз Елена укусила, как котенок.

Взгляд Дамона был тяжелым, но лицо не выражало ничего.

— Ты знаешь, где ты? — спросил он.

Елена оглянулась. Деревья.

— В лесу,— ответила она уклончиво, оглядываясь на него.

— А это кто?

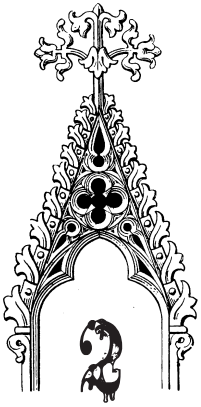
Она посмотрела туда, куда он указывал.

— Стефан,— сказала она безразлично.— Твой брат.

— А кто я такой? Ты знаешь, кто я такой?

Она улыбнулась ему, обнажая острые зубки:

— Конечно, знаю. Ты — Дамон, и я тебя люблю.



Стефан был в ярости.

— Ты этого хотел? Да, Дамон? И ты это получил. Тебе недостаточно было просто убить ее, нет, ты хотел, чтобы она стала такой, как мы, как ты!

Дамон даже не оглянулся. Он напряженно смотрел на Елену полуприкрытыми глазами, стоя на коленях и держа ее за подбородок. «Ты уже третий раз это говоришь, и я начинаю уставать от этого»,— проговорил он тихо. Взъерошенный и немного задыхающийся, он, тем не менее, был собран и отлично владел собой.

— Елена, я тебя убивал?

— Конечно, нет,— сказала Елена, сплетая свои пальцы с его. Ей не терпелось. О чем они, в конце концов? Никто никого не убивал.

— Вот уж никогда не думал, что ты врун,— горько упрекнул Дамона брат.— Все что угодно, но не это. Никогда не думал, что ты будешь отпираться от сделанного.

— Еще секунда,— процедил Дамон,— и я за себя не отвечаю.

— А что еще ты можешь мне сделать? — обернулся Стефан.— Убить меня было бы милосерднее.

— Свой лимит милосердия ты исчерпал лет сто назад.

Дамон в конце концов отпустил подбородок Елены и обратился к ней:

— Ты помнишь, что сегодня происходило?

Елена откликнулась устало, как ребенок, бубнящий ненавистный урок: «Сегодня праздновали День Основателей».

Она сжала пальцы Дамона и подняла на него глаза. Больше она ничего не могла вспомнить, но этого было недостаточно. В раздражении она пыталась вспомнить что-то еще.

— В кафе кто-то был... Кэролайн! — Она радостно припомнила имя.— Она должна была про-

честь перед всеми мой дневник, и это было очень плохо, потому что...— Елена вдруг потеряла мысль.— Не помню, почему. Но мы ее провели.

Она заговорщицки улыбнулась ему.

— О, серьезно, мы?

— Да. Ты его отобрал. Ты это сделал ради меня.

Пальцы ее свободной руки забрались ему под куртку, выискивая там дневник.

— Потому что ты меня любишь,— промурлыкала она, слегка поцарапывая найденную вещь.— Ведь ты меня любишь?

Из просвета раздался тихий звук. Елена увидела, как обернулся Стефан.

— Елена, что было дальше? — снова услышала она голос Дамона.

— Дальше? Дальше тетя Джудит затеяла со мной ссору,— Елена на секунду задумалась и пожала плечами,— не помню, по какому поводу. Я разозлилась. Она мне не мать, и не ей мне указывать.

Голос Дамона звучал сухо.

— Так, с этой проблемой мы, по всей видимости, больше не столкнемся. Что дальше?

Елена тяжело вздохнула.

— Потом я пошла и взяла машину Мэтта. Да, Мэтта.

Она машинально упомянула это имя, проводя языком по клыкам. Перед глазами встало красивое лицо, светлые волосы, широкие плечи.

— Мэтт.

— И куда ты поехала на машине Мэтта?

— К Плетеному мосту,— сказал Стефан, оборачиваясь к ним. В его глазах было отчаяние.

— Нет, к пансиону,— поправила раздраженная Елена.— Мне надо было дождаться... ммм... забыла кого. Я стала ждать там. Потом начался шторм. Ветер, дождь, все такое. Мне это очень не понравилось, я влезла в машину. Но за мной что-то погналось.

— *Что-то* погналось за тобой,— проговорил Стефан, глядя на Дамона.

— Что-то неодушевленное,— подчеркнула Елена, которой надоело, что ее перебивают.— Слушай, давай уйдем куда-нибудь, только ты и я, а? — попросила она Дамона, поднимаясь на колени так, что ее лицо стало вровень с его.

— Сейчас,— сказал он,— а что за тобой последовало?

Она раздраженно отпрянула.

— Понятия не имею, что. Я такого никогда раньше не видела. Не похоже на тебя и Стефана. Это было как…

Картинки всплывали в памяти. Туман над землей. Завывание ветра. Огромное белое нечто, как будто сделанное из тумана, обволакивающее ее, как облако.

— Может, это было просто частью шторма, но мне показалось, что оно желало мне зла. Я убежала.

Поигрывая молнией на куртке Дамона, она загадочно улыбалась и смотрела на него сквозь ресницы.

— Да. Я вспомнила… кто-то… рассказывал мне о текущей воде. Нечисть не может пересечь текущую воду. Вот я и поехала к Утопленничьему ручью, к мосту, а потом…

Она засомневалась, хмурясь и пытаясь хоть что-то вспомнить. Вода. Воду она помнила. А больше — ничего.

— Потом я переехала ручей,— закончила наконец она с видимым облегчением.— Наверняка же я его переехала, раз я здесь. Это все? Мы можем теперь идти?

Дамон ей не ответил.

— Машину еще не вытащили из реки,— проговорил Стефан. Они с Дамоном, забыв вражду, смотрели друг на друга, как два взрослых, переговаривающихся в присутствии несмышленого ребенка.

Елену накрыла волна беспокойства. Она было открыла рот, но Стефан продолжал:

— Бонни, Мередит и я нашли ее. Я нырнул и вытащил Елену, но к тому времени…

Елена нахмурилась.

Дамон очень нехорошо ухмылялся.

— И ты сдался? Да тебе сам Бог велел заподозрить, что могло случиться. Или мысль об этом тебе так противна, что ты сразу ее отогнал от себя? А тебе бы хотелось, чтобы она действительно умерла?

— Она не дышала, и у нее не было пульса! — вспыхнул Стефан.— И она никогда не получала столько крови, чтобы трансформироваться! Ну не от меня, во всяком случае.

Его взгляд стал тяжелым.

Елена опять открыла рот, но Дамон дотронулся до ее губ двумя пальцами, повелевая ей молчать, потом мягко сказал:

— И вот в чем проблема — или ты тоже ничего не замечаешь? Ты просил меня посмотреть на

нее; посмотри на себя. Она не в себе, она в шоке. Даже я это признаю,— он прервался на ослепительную улыбку.— Это больше, чем обычный шок после трансформации. Ей будет нужна кровь, человеческая кровь, или ее телу не хватит сил, чтобы завершить трансформацию. Она умрет.

«В каком смысле — не в себе?» — мысленно оскорбилась Елена, а вслух сказала, обдавая дыханием пальцы Дамона:

— Я в порядке. Я просто устала. Я собиралась спать, когда услышала шум вашей драки. Пришлось помочь тебе. А ты даже не дал мне его убить,— обиженно добавила она.

— Действительно, а почему ты не дал ей меня убить? — вмешался Стефан. Он смотрел на Дамона в упор, как будто пытался проглядеть его насквозь. Вся приветливость исчезла с его лица бесследно.— Это легче всего.

Дамон посмотрел в упор на брата таким же зверским взглядом, как у того. Он часто и прерывисто дышал.

— А может, я не ищу легких путей,— прошипел он. Потом, взяв себя в руки, ухмыльнулся и добавил:

— Подумай, братишка: если кому-то твоя смерть и доставит удовольствие, то только мне. Больше никому. И я планирую взять это на себя, и обычно у меня такие дела получаются очень хорошо, уверяю тебя.

— Да, мы заметили,— тихо согласился Стефан, как будто каждое слово доставляло ему страшную боль.

— Но эту,— сверкнув глазами, Дамон кивнул в сторону Елены,— я не убивал. Зачем мне ее убивать, если я и так мог инициировать ее в любой момент?

— Может быть, потому что она только что обручилась кое с кем другим?

Дамон поднял ладонь Елены, которая все еще лежала в его руке. На среднем пальце поблескивало золотое кольцо с темно-синим камнем. Елена уставилась на украшение, вспоминая, где она его видела, потом пожала плечами и устало отодвинулась от Дамона.

— Ну, это вообще не проблема, правда? Она была бы рада тебя забыть.— Он нехорошо улыбнулся Стефану.— Мы это выясним, когда она придет в себя. Тогда и спросим у нее, кого из нас она предпочтет, хорошо?

Стефан покачал головой:

— Как ты можешь такое предлагать после того, что случилось?..

Тут он замялся.

— С Катриной? Я могу произнести это, если у тебя духу не хватает. Катрина сглупила и заплатила за это. Елена другая: у нее есть голова на плечах. Но если ты согласен — это не имеет значения,— добавил он, предвидя новые аргументы Стефана.— Она сейчас очень слаба, и ей нужна кровь. Сначала я прослежу, чтобы она ее получила, а потом найду того, кто с ней это сделал. Ты можешь пойти со мной или остаться, решай сам.

Он встал и потянул за собой Елену:

— Пошли.

Елена охотно последовала за ним, тело радовалось движению. Она никогда раньше не замечала, как интересно ночью в лесу. Тоскливо кричали совы, мышки разбегались из-под ног. Местами воздух был холоднее, в ложбинах и впадинах — вообще ледяной. Идти рядом с Дамоном по насту из листвы было очень легко, нужно было только смотреть, куда ступаешь. Она даже не обернулась посмотреть, шел ли за ними Стефан.

Елена узнала место, где они выходили из леса. Она уже была здесь сегодня, но сейчас тут происходило что-то немыслимое: машины мигали синими и красными огнями, в свете фар вырисовывались тени сгрудившихся людей. Елена с любопытством смотрела на них: некоторые показались знакомыми. Например, женщина с измученным лицом и тревожными глазами — тетя Джудит? А высокий мужчина рядом с ней — ее жених, Роберт?

Она подумала, что кого-то не хватает. Ребенка с такими же светлыми, как у Елены, волосами, чьего имени она не могла вспомнить, как ни пыталась.

А вот двух девушек, которые стояли в обнимку, окруженные людьми в форме, она помнила. Рыженькую звали Бонни, она плакала. Вторая, с длинными черными волосами, была Мередит.

— Но ее же нет в воде! — приставала Бонни к полицейскому, и в ее голосе звучали истеричные нотки.— Ее оттуда вынул Стефан, мы видели, я же вам говорила, говорила!

— И вы оставили его с ней?

— Нам пришлось. Шторм усиливался, и надвигалось что-то...

— Не берите в голову,— вмешалась Мередит, которая была ненамного спокойнее Бонни,— Стефан обещал, что, если ему придется уйти, он оставит ее под ивами.

— Ну и где же теперь Стефан? — спросил другой полицейский.

— Мы не знаем. Мы пошли за помощью. Может быть, он пошел за нами. Но что же с Еленой...— Бонни отвернулась и уткнулась в плечо Мередит.

Елена поняла, что они горюют именно из-за нее. Как глупо. Ну ничего, это можно поправить. Она было рванулась на свет, но Дамон ее не пустил. Она изумленно посмотрела на него.

— Не так. Выбери тех, кто понравится, и мы их призовем.

— Для чего?

— Для того чтобы напиться их крови, Елена. Теперь ты охотник. А это — твоя добыча.

Елена задумчиво надавила языком на клык. Никто из тех, кого она видела, не выглядел как потенциальный источник пищи. Но раз уж Дамон затронул эту тему, пусть он и мучается проблемой выбора.

— Выбирай кого хочешь,— любезно предложила она.

Дамон наклонил голову, сощурил глаза, осматривая пространство, как если бы оно было гениальной картиной, а он — экспертом, который эту картину оценивает.

— Как насчет парочки симпатичных фельдшеров?

— НЕТ! — прозвучал голос сзади.

Дамон лишь оглянулся через плечо на Стефана.

— И почему нет?

— Хватит нападать. Может, ей и нужна человеческая кровь, но необязательно за ней охотиться.

Стефан был мрачен и недоволен.

— А у нас есть варианты? — насмешливо осведомился Деймон.

— И ты о них прекрасно знаешь. Найди кого-нибудь, кто бы хотел отдать кровь или кого можно убедить это сделать. Кого-нибудь, кто сделает это для Елены, кто достаточно силен рассудком.

— Надеюсь, ты знаешь, где мы найдем этот эталон добродетели?

— Отведи ее в школу. Я буду ждать там,— бросил Стефан и исчез.

Когда они уходили, люди все еще толпились и суетились. Пока они шли, Елена заметила странную вещь. Посередине реки была машина, у нее

горели фары. Она практически затонула, только капот выглядывал из воды.

Исчезая с Дамоном в лесу, она подумала, что река — идиотское место для парковки.

К Стефану опять возвращались чувства.

Было больно. Когда он вытащил бездыханное тело Елены из воды, он думал, что никогда больше не почувствует боли, потому что хуже уже не будет. Он ошибался.

Стефан остановился, обнимая дерево здоровой рукой, опустив голову, тяжело дыша. Когда кровавые точки перед глазами рассеялись и зрение вернулось, он пошел дальше, но жгучая боль в груди не утихла. Он уговаривал себя не думать о ней, хотя прекрасно понимал, что это бесполезно.

Он тогда думал, что никогда больше не услышит ее голос, не почувствует тепло ее прикосновения... Почувствовал. Когда она хотела его убить.

Он опять остановился, борясь с тошнотой.

Видеть ее такой — это пытка даже худшая, чем видеть ее мертвой и холодной. Может быть, поэтому Дамон и оставил ему жизнь. Может, это была его месть.

А может быть, Стефану надо сделать то, что он планировал сделать после того, как убьет Дамона. Дождаться восхода и снять серебряное кольцо, защищающее от солнечного света. Стоять на ярком свету, пока смертоносные лучи не выжгут плоть и не избавят от боли раз и навсегда.

Он знал, что не сделает этого. Пока Елена ходит по этой земле, он не оставит ее. Даже если она будет его ненавидеть и охотиться на него. Он будет охранять ее.

Стефан решил окольным путем вернуться в пансион — нужно было привести себя в порядок, прежде чем он покажется кому-то на глаза. В комнате он смыл кровь с лица и шеи и осмотрел руку. Регенерация уже началась, и, сосредоточившись, он ее ускорил. Сила расходовалась быстро — борьба с Дамоном его вымотала. Однако это было важно. Не из-за боли — он ее почти не замечал, а потому что надо было быть в форме.

Дамон и Елена ждали у школы. Он чуял нетерпение брата и новую, дикую Елену.

— В твоих интересах, чтобы все получилось,— отрезал Дамон.

Стефан промолчал. Школа была вторым местом, где собрались люди. Вообще-то всем полагалось танцевать на празднике Основателей, но теперь те, кто остался, несмотря на шторм, слонялись из стороны в сторону и собирались в небольшие компании. Стефан заглянул в открытую дверь, мысленно выискивая одного-единственного человека. И нашел. Блондин сидел, уронив голову на стол.

Мэтт.

Мэтт выпрямился и озадаченно посмотрел по сторонам. Стефан мысленно приказал ему выйти.

Тебе нужно подышать свежим воздухом, мысленно приказал он подсознанию Мэтта. Тебе хочется выйти на улицу.

Потом он бросил Дамону (тот, невидимый, стоял в тени): *отведи ее в класс для фотографирования, она знает, где это. Не показывайтесь, пока я не скажу.*

Потом вернулся и стал ждать Мэтта. Тот вскоре вышел. Поднял лицо, посмотрел в безлунное небо. Стоило Стефану его окликнуть, он буквально набросился на него:

— Стефан! Ты здесь! — На его лице надежда, отчаяние и ужас сменяли друг друга.— Они привезли ее? Есть новости?

— А что ты слышал?

Мэтт секунду помедлил, глядя ему в глаза, перед тем как ответить:

— Бонни и Мередит прибежали и сказали, что Елена сорвалась с моста на моей машине. Они сказали, что она...— тут он замялся и судорожно сглотнул — ...Стефан, это ведь неправда?

Он посмотрел на Стефана умоляющими глазами, тот отвернулся.

— Боже...— прохрипел Мэтт, отвернулся от Стефана и стал тереть глаза.— Я не верю, не верю, этого не может быть.

— Мэтт...— Стефан обнял его за плечи.

— Прости,— голос Мэтта звучал грубо и хрипло,— я представляю, как тебе сейчас плохо, а еще я тут...

«Мне еще хуже, чем ты думаешь»,— подумал Стефан, и его рука сползла с плеча парня.

Он пришел для того, чтобы с помощью Силы убедить Мэтта, но теперь видел, что это невозможно. Он не мог этого сделать, во всяком случае, не с первым — и единственным — другом-человеком, который у него здесь был.

Еще можно было сказать Мэтту правду, чтобы он сделал свой осознанный выбор.

— Слушай, если бы ты мог чем-нибудь помочь Елене прямо сейчас,— сказал он,— ты бы сделал это?

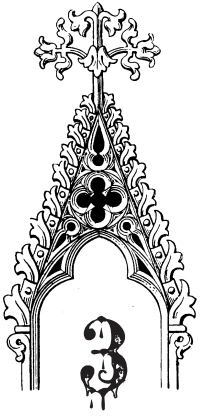
Будь Мэтт в нормальном состоянии, он бы назвал этот вопрос идиотским, но сил на лишние слова не было, поэтому он, не переставая тереть рукавами глаза, просто и почти грубо ответил:

— Все что угодно. Я сделаю для нее все.

Его голос дрожал, но он смотрел на Стефана с тенью пренебрежения.

Стефан мысленно поздравил его с только что выигранным билетом в мир Теней. В желудке внезапно появилось противное ощущение пустоты.

— Пошли,— сказал он.— Мне надо кое-что тебе показать.



3

Елена и Дамон ждали в темной комнате. Стефан почувствовал их присутствие в прихожей, когда открыл дверь и впустил Мэтта внутрь комнаты для фотографирования.

— Вообще-то эти двери должны быть закрыты,— сказал Мэтт, когда Стефан щелкнул выключателем. Зажегся свет.

— Вообще да.

Он так и не придумал, что сказать Мэтту, чтобы подготовить его к тому, что должно было произойти. Он никогда раньше намеренно не раскрывал своей тайны перед человеком.

Стефан стоял тихо, пока Мэтт не обернулся и не посмотрел на него. В комнате было холодно и тихо, и казалось, сам воздух давил на плечи. Окаменелое выражение горя на лице Мэтта сменилось тревогой.

— Не понимаю...— сказал он.

— Это неудивительно.

Он продолжал смотреть на Мэтта, намеренно убирая барьеры, не позволяющие человеку чувствовать его Силу. Реакция Мэтта не заставила себя ждать — тревога сменилась страхом. Парень недоуменно моргал и тряс головой, часто дыша.

— Что?..— спросил он скрипучим голосом.

— Наверно, тебя во мне удивляли многие вещи,— сказал Стефан,— например, почему я ношу темные очки на ярком свету. Почему я не ем. Почему у меня очень быстрая реакция.

Мэтт стоял спиной к темной комнате. Его горло дергалось, как будто он пытался что-то проглотить, но не мог. Стефан звериным чутьем уловил, как тихо бьется его сердце.

— Да нет...— растерялся Мэтт.

— Нет, они должны были тебя удивлять, и ты должен был задавать себе вопрос, прочему я не такой, как другие.

— Да нет же. В смысле, я не придавал этому значения. Я не в свои дела не лезу.

Мэтт потихоньку продвигался к двери, чуть заметно кося на нее взглядом.

— Не надо, Мэтт. Я тебя не обижу, но и не отпущу прямо сейчас.

Он почувствовал еле сдерживаемый голод Елены и мысленно приказал ей ждать.

Мэтт пошел послушно, не делая ни малейшей попытки сбежать.

— Если ты хотел меня напугать, у тебя получилось. Чего еще тебе надо? — прошептал он.

Вот теперь, сказал он Елене и бросил Мэтту:

— Повернись.

Мэтт повернулся и сдавленно вскрикнул.

Перед ним стояла Елена, но не такая, какой он видел ее последний раз днем. Из-под подола виднелись босые ноги. Тонкие складки белого муслина, прилипавшие к телу, были покрыты сверкающими льдинками. Ее кожа, обычно такая чистая, теперь имела какой-то холодный оттенок, а золотистые волосы отливали серебром. Но главное — изменилось лицо. Глаза были полуприкрыты, как будто она хотела спать, но в то же время в них был какой-то лихорадочный блеск. Чувственный

рот был искривлен в голодной гримасе. Она казалась красивее, чем раньше, но красота эта была пугающая.

Мэтт в оцепенении уставился на нее, она облизнула губы розовым язычком.

— Мэтт! — позвала она, подчеркивая первую букву имени. Потом Елена улыбнулась.

Стефан услышал стон Мэтта, отвернувшегося наконец от Елены, почувствовал его недоверие.

Все нормально, послал он Мэтту импульс на волне Силы. Мэтт резко повернулся к нему, его удивленные глаза были широко распахнуты. Стефан добавил:

— Вот. Теперь ты знаешь.

По лицу Мэтта явственно читалось, что он предпочел бы не знать ничего. Тут из темноты вынырнул Дамон и встал подле Елены. Атмосфера в комнате стала еще более напряженной.

Мэтта окружили трое существ, нечеловечески красивых и пугающих.

Стефан чуял страх Мэтта. Это был беспомощный страх кролика перед лисой, мыши перед совой. И, кстати, Мэтт совершенно правильно боялся. Они были хищниками и охотились на таких, как он. Убить его было для них вопросом жизни и смерти.

Именно теперь инстинкты выходили из-под контроля. Первым порывом Мэтта было убежать в панике, и это подстегивало рефлексы Стефана, ведь когда жертва пытается убежать, хищник за ней гонится. Трое хищников были на грани того, чтобы атаковать, и Стефан подумал, что, если Мэтта прижмут, он не отвечает за последствия.

Мы не хотим тебе зла,— мысленно сказал он Мэтту.— *Ты нужен Елене, и, если ты ей поможешь, с тобой не случится ничего плохого. Даже больно не будет, Мэтт*.

Однако Мэтт все еще был напряжен и готов спасаться бегством, и Стефан понял, что они втроем преследуют его, подвигаются ближе, готовые отрезать любые пути к отступлению.

Ты сказал, что сделаешь все для Елены, — в отчаянии напомнил он Мэтту и увидел, что тот уже сделал свой выбор.

Мэтт совладал с дыханием, расслабил тело.

— Ты прав, я обещал,— прошептал он и сделал над собой заметное усилие, перед тем как продолжить,— что ей нужно?

Елена приблизилась к Мэтту и провела пальцем по его шее, по упругой выпуклости артерии.

— Не эта,— быстро сказал Стефан,— ты же не хочешь его убить. Скажи ей, Дамон.

Мысленно он повторил приказ, потому что Дамон и бровью не повел.

— Попробуй здесь или здесь.— Дамон деловито указал пальцем в две точки, поддерживая подбородок Мэтта. Держал он достаточно сильно, Мэтт не мог вырваться, и Стефан почувствовал, как парень опять начал паниковать.

Верь мне, Мэтт. Он подвинулся к парню. *Это должен быть твой выбор,* закончил он, охваченный жалостью. *Ты можешь передумать*.

Мэтт было замялся, но потом процедил сквозь стиснутые зубы:

— Нет. Я все еще хочу помочь. Я хочу помочь тебе, Елена.

«Мэтт...» — прошептала она, глядя на него ярко-синими глазами. Потом взгляд опустился на его шею, и ее губы плотоядно раскрылись. От той неуверенности, которая мучила ее, когда Дамон предложил выпить крови фельдшеров, не осталось и следа. Она опять улыбнулась и атаковала, стремительно, как хищная птица.

Стефан обнял Мэтта рукой за плечи, чтобы поддержать. В тот момент, когда зубы Елены проткнули его кожу, парень попытался отстраниться, но Стефан мысленно успокоил его. *Не надо сопротивляться, иначе будет больно*.

Пока Мэтт пытался расслабиться, неожиданная помощь пришла от Елены: она распространяла вокруг себя волны радости — радости волчонка, которого покормили. В этот раз у нее получилось укусить с первого раза, и она была полна невинной гордости и удовлетворения. Стефан был очень благодарен Мэтту, но почему-то почувствовал укол ревности. Она не ненавидела Мэтта и не хотела его убить, потому что он не представлял опасности для Дамона. Мэтт ей нравился.

Стефан позволил ей выпить безопасное для здоровья парня количество крови и попытался остановить ее. *Хватит, Елена, ты же не хочешь его покалечить*.

Не тут-то было. Понадобились объединенные силы его, Дамона и изрядно ослабевшего Мэтта, чтобы оторвать ее.

— Теперь ей нужно отдохнуть,— заявил Дамон.— Я забираю ее в безопасное место, где она сможет это сделать.

Он не спрашивал Стефана, он ставил его перед фактом.

Когда они исчезли, в сознании Стефана прозвучал его голос: *Я не забыл, как ты напал на меня, братишка. Мы поговорим об этом позже.*

Стефан уставился им вслед. Он заметил, как Елена смотрела на Дамона, как безропотно последовала за ним. Но сейчас она хотя бы была в безопасности — кровь Мэтта придала ей сил. Стефан сказал себе, что это — единственное, что имеет значение в данный момент.

Он повернулся и увидел изумленного Мэтта. Парнишка неподвижно сидел на пластиковом стуле и смотрел перед собой. Потом он поднял глаза на Стефана, и они хмуро переглянулись.

— Ну вот,— Мэтт слегка покачал головой и перешел на шепот,— теперь я знаю. Но мне все еще не верится...— Он вздрогнул, осторожно коснувшись пальцами горла.— Если бы не это...— он нахмурился и вдруг спросил: — Этот парень, Дамон, он кто?

— Мой старший брат,— прозвучал лишенный эмоций голос Стефана.— А откуда ты знаешь, как его зовут?

— Он был у Елены на прошлой неделе. На него еще котенок зашипел...— Мэтт замолчал, вспоминая что-то,— а у Бонни было что-то типа видения.

— У нее было пророческое видение? А что она сказала?

— Она сказала, что сама Смерть была в доме.

Стефан взглянул на дверь, в которую вышли Дамон и Елена.

— Она была права...

— Стефан, что, в конце концов, происходит? — требовательно спросил Мэтт.— Что случилось с Еленой? Она такой всегда останется? Или можно что-нибудь сделать?

— Такой — это какой? — грубо ответил Стефан,— Полубезумной? Вампиршей?

— Я и про то, и про другое...— отвернулся Мэт.

— Что касается первого, то она наверняка придет в себя после того, как поела. Во всяком случае, Дамон так думает. Что касается второго, то, чтобы изменить ее состояние, ты можешь сделать только одно,— в глазах Мэтта появилась надежда, но Стефан неумолимо продолжал,— ты можешь взять деревянный кол и забить ей в сердце. Она перестанет быть вампиром. Просто умрет.

Мэтт встал и подошел к окну.

— Хотя ты не можешь ее убить, она уже мертва. Елена утонула в реке, Мэтт. Но перед этим по-

лучила достаточно крови от меня,— тут Стефан остановился, чтобы совладать со срывающимся голосом,— и, я полагаю, от моего брата и поэтому трансформировалась, вместо того чтобы умереть. Она стала охотницей и останется ей навсегда.

Мэтт, не поворачиваясь, ответил:

— Я всегда догадывался, что с тобой что-то не так. Я-то думал, это потому, что ты — иностранец,— он покачал головой, как бы осуждая себя за что-то,— но в глубине души я понимал, что это не так. И все же я чувствовал, что тебе можно верить, и верил.

— Как тогда, когда ты пошел со мной за вербеной?

— Да, как тогда. Теперь ты наконец можешь мне сказать, на кой черт это было нужно?

— Для того, чтобы защитить Елену. Я не хотел, чтобы Дамон находился рядом с ней. Но, сдается мне, она-то как раз была не против,— выговорил Стефан с плохо скрываемым ядом в голосе.

Мэтт обернулся.

— Не суди ее, пока не разберешься в ситуации. Я тебя очень прошу.

Стефан вздрогнул и улыбнулся довольно безрадостно. Они с Мэттом теперь были на равных — Еленины бывшие. Он сомневался, что сможет вести себя как ни в чем не бывало, как это делал Мэтт. Вряд ли ему удастся спокойно принять свое поражение, как приличествует настоящему мужчине.

С улицы послышался какой-то шум. Обычный человек его бы не услышал, да и Стефан не обратил на него внимания, пока в сознание не проникли звучащие слова. Он быстро вспомнил, что натворил в этой школе несколько часов назад, и до него дошло, что он совсем позабыл о Тайлере Смоллвуде и его дружках.

Теперь он вспомнил все в подробностях. Ужас и стыд сдавили горло. Он был вне себя от горя из-за Елены, и, тем не менее, оправданий его поступку не было. Неужели они все мертвы? Неужели он, недавно поклявшийся никого не убивать, прикончил сегодня шесть человек?

— Стефан, погоди. Что ты творишь?

Когда ответа не последовало, Мэтт бросился за ним из основного здания школы на площадку.

На дальнем ее краю, у ангара, стоял мистер Шелби. Серое лицо дворника исказила гримаса ужаса. Казалось, он пытался закричать, но получался только сдавленный хрип. Протиснувшись

мимо него, Стефан заглянул в комнату, и тут его охватило чувство дежавю.

То, что он увидел, напоминало комнату Чокнутого Драчуна из благотворительного проспекта о Доме с Привидениями, с той разницей, что это было не декорацией для посетителей. Это было по-настоящему.

Повсюду лежали тела в неестественных позах, среди щепок и осколков стекла. Кровь была везде, и одного взгляда хватило чтобы понять, почему: у всех лежащих, кроме Кэролайн, было по две бледные дырочки на шее. У Кэролайн их не было, но ее глаза были абсолютно пусты.

За спиной у Стефана часто дышал Мэтт:

— Стефан… Елена же не… Она не могла…

— Тихо,— отрезал Стефан.

Он оглянулся на мистера Шелби, но дворник, видимо, споткнулся о свою тележку с метлами и тряпками и теперь пытался встать.

Стекло затрещало у Стефана под ногами, когда он подошел к Тайлеру и опустился перед ним на колени.

Тот был жив.

Стефан вздохнул с облегчением. Тайлер чуть слышно дышал и, когда Стефан поднял его голову,

приоткрыл глаза и невидяще уставился перед собой.

Ты ничего не помнишь, мысленно сказал ему Стефан. Одновременно он ломал голову, для чего ему все это нужно. По-хорошему надо было уехать из Феллс-Черч, исчезнуть и никогда больше не возвращаться.

Но он так не поступит. По крайней мере пока Елена здесь.

Он дотянулся до еле теплящихся рассудков других жертв и приказал им все забыть, да так, чтобы и следа не осталось в памяти.

Вы не помните, кто на вас напал. Весь прошедший день — как белое пятно.

В это время он почувствовал, что его Сила дрожит, как перенапряженные мышцы. Скоро он совсем сгорит.

На улице наконец-то истошно заорал мистер Шелби. Стефан медленно опустил голову Тайлера на пол и обернулся.

Мэтт оскалился и наморщил нос, как будто ему только что дали понюхать уксус. Глаза у него были совсем чужие.

— Елена этого не делала,— прошептал он.— Это сделал *ты*.

— Тихо! — Стефан протиснулся за ним в темную прохладу ночи, уходя прочь от ужасного ангара, чувствуя, как горит кожа на морозе. Со стороны ближайшего кафе послышался топот, и он понял, что кто-то все же услышал вопли дворника.

Мэтт бросился за ним.

— Это же неправда?!

По голосу было слышно, что он пытается хоть что-то понять, но не может.

Стефан обернулся.

— Это был я,— прорычал он и уставился на Мэтта сверху вниз, не скрывая злобы.— Я же тебе говорил: мы — охотники. Убийцы. Вы — овцы, мы — волки. А Тайлер просил меня об этом с первого моего появления.

— Просил дать ему по морде, конечно. Как ты до этого ему дал. Но — о таком?

Мэтт приблизился к нему вплотную и посмотрел прямо в глаза, без тени страха. Для этого требовалось большое мужество.

— И ты даже не жалеешь?

— А с чего бы? — холодно спросил Стефан.— Ты жалеешь, когда съешь слишком много говядины? Тебе коровку жалко?

Он понял, что Мэтт ему не верит, напрягся и загнал боль глубже в его грудь. Для Мэтта будет лучше, если они никогда больше не увидятся. Иначе он может повторить судьбу тех людей из ангара.

— Я — то, что я есть, Мэтт. И если ты не можешь с этим смириться, держись подальше.

Мэтт глядел на него еще секунду, потом недоверие на его лице сменилось разочарованием. На скулах выступили желваки. Он молча развернулся и вышел.

Елена была на кладбище.

Дамон оставил ее там, наказав никуда не уходить, пока он не вернется, но сидеть сложа руки очень не хотелось. Она, конечно, устала, но спать не хотелось — свежая кровь подействовала как хорошая доза кофеина. Хотелось пойти на разведку.

Хоть людей и не было видно, старое кладбище кипело жизнью. Вот лиса прокралась к водопою. Какие-то зверьки копошились и попискивали в высокой траве вокруг могильных камней. Сипуха

почти бесшумно пролетела в сторону разрушенной церкви и уселась на колокольню, зловеще заухав.

Елена встала и последовала за ней. Так было гораздо приятнее, чем прятаться в траве, как полевка. С помощью обостренного зрения она рассмотрела церковь. Крыша почти везде обвалилась, осталось только три стены, и только колокольня стояла, как памятник.

С одной стороны находилась могила Томаса и Онории Феллов, похожая на большой каменный саркофаг. Елена вгляделась в мраморные лица статуй на крышке. Они лежали спокойные, с закрытыми глазами, руки сложены на груди. Томас Фелл казался серьезным и немного суровым, а Онория — просто грустной. Елена как-то отстраненно подумала о собственных родителях, лежащих бок о бок на одном из современных кладбищ.

Она поняла, что пойдет домой. Перед глазами встали знакомые картинки: ее уютная спальня с голубыми занавесками, мебелью из вишневого дерева и маленьким камином. И еще — что-то очень важное под полом в туалете.

Она нашла дорогу к Кленовой улице больше с помощью инстинктов, чем по памяти. Ноги сами

вывели туда, к старому дому с большим крыльцом. Машина Роберта была припаркована тут же.

Елена было направилась к входной двери, но вдруг остановилась. Была какая-то причина, по которой люди не должны были ее видеть, но она не могла ее сформулировать. Елена застыла на мгновение, потом быстро влезла на айву, растущую перед окнами ее спальни.

Пробраться в дом и остаться незамеченной все равно не получилось — на ее кровати сидела женщина. Она, как завороженная, смотрела на Еленино красное кимоно, лежащее у нее на коленях. Тетя Джудит. Роберт стоял у буфета и что-то ей говорил. Елена поняла, что может разобрать его шепот даже через окно.

— ...или завтра, еще раз,— говорил он,— пока не начнется шторм. Они прочешут каждый сантиметр леса и найдут ее, Джудит. Вот увидишь.— Тетя Джудит молчала. В голосе Роберта все явственнее звучало отчаяние: — Мы не должны опускать руки, даже несмотря на то, что говорят девочки.

— Не поможет, Боб,— тетя Джудит наконец подняла лицо. Глаза были красные, но сухие.— Это ничего не даст.

— Почему это? Даже не смей так говорить! — он встал напротив нее.— Почему это поиски ничего не дадут?

— Не только они... хотя я сердцем чувствую, что живой они ее не найдут. Я имею в виду вообще все. То, что случилось сегодня,— наша вина.

— Неправда. Это дурацкий несчастный случай.

— Да, но он произошел по нашей вине. Если бы мы были к ней добрее, она бы никогда не уехала одна и не попала бы в шторм. И не надо пытаться заткнуть мне рот. Выслушай! — Тетя Джудит глубоко вздохнула и продолжила: — Не сегодня все это началось. У нее давно были проблемы, я просто не обращала внимания. Я была слишком занята нашими с тобой делами. Теперь, когда Елена пропала, я не хочу, чтобы что-нибудь случилось с Маргарет.

— О чем ты?

— Я не могу выйти за тебя замуж, по крайней мере так быстро, как мы планировали. Может быть, я вообще за тебя не выйду,— она мягко продолжала: — В жизни Маргарет было слишком много потерь. Я не хочу, чтобы она думала, что теряет еще и меня.

— Она не потеряет тебя! Она приобретет еще одного родного человека, ты же знаешь, как я к ней отношусь.

— Прости, Боб, я так не думаю.

— Ты это всерьез? После всего, что было? После всего, что я для вас сделал?

— Я серьезно,— сухо и неумолимо отрезала тетя Джудит.

Елена внимательно разглядывала Роберта через окно. Он покраснел, на лбу выступила вена.

— Завтра ты передумаешь,— бросил он.

— Нет.

— Ты имеешь в виду, что...

— Я имею в виду только то, что сказала. И не говори мне, что передумаю. Я не передумаю.

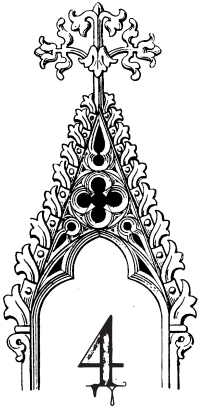
Роберт беспомощно оглянулся по сторонам, потом взял себя в руки. Когда он заговорил, голос был пустым и холодным.

— Я все понял. Если это твое окончательное решение, то я лучше пойду.

— Боб...— позвала тетя Джудит, но он был уже на улице. Она встала, как бы сомневаясь, идти за ним или нет. Ее пальцы ползали по красной ткани.

— Боб! — еще раз прокричала она, повернувшись, чтобы положить кимоно Елены на кровать.

И вдруг тетя Джудит застыла, прикрыв рот рукой. Через стекло она увидела Елену, их глаза встретились. Одну долгую секунду они смотрели друг на друга не двигаясь. Потом тетя Джудит закричала.



4

Какая-то сила сдернула Елену с дерева, и она с протестующим воем приземлилась на все четыре конечности, как кошка. Правда, расшибла колени, которые коснулись земли секундой позже.

Она выпрямилась и выставила острые ногти для атаки. Дамон больно шлепнул ее по руке.

— С какой стати ты стянул меня с дерева? — возмутилась она.

— А с какой стати ты не там, где я велел тебе быть? — парировал он.

Оба злобно мерили друг друга злобным взглядом, потом Елена отвернулась. Сверху все еще до-

носился крик и звук возни. Дамон потащил ее за дом, где их не могли заметить из окон.

— Давай уходить,— проворчал он, поглядывая наверх. Не дожидаясь ответа, он схватил ее за руку. Елена стала вырываться.

— Мне нужно войти туда!

— У тебя не получится,— он по-волчьи улыбнулся,— я тебе серьезно говорю. Тебя не пригласили.

На секунду Елена настолько растерялась, что позволила протащить себя несколько шагов, но потом опять уперлась пятками в землю.

— Мне нужен мой дневник!

— Что?!

— Он в туалете, под полом. Он мне нужен. Я не могу заснуть без дневника.

Елена даже не понимала, почему она так беспокоится, но с дневником явно было связано что-то очень важное.

Дамон сначала нахмурился, но потом, видимо, успокоился.

— Вот,— он вынул что-то из куртки,— возьми.

Елена недоверчиво посмотрела на то, что он ей протягивал.

— Это же твой дневник?

— Да, но это старый. А мне нужен новый!

— Обойдешься. Пошли, пока они не перебудили всю округу.

Его голос стал холодным и повелительным.

Елена посмотрела на блокнот, который он ей дал. Маленький, в обложке из синего бархата, с застежкой. Ну, он не новый, но сойдет. Блокнотик был ей явно знаком.

Она позволила Дамону себя увести, даже не спросив, куда они направляются. Ей было все равно. Она узнала дом на улице Магнолий, где жил Аларих Зальцман.

Он же и впустил их внутрь. Учитель истории выглядел странно и, казалось, вообще их не замечал. У него были остекленевшие глаза, и двигался он как робот.

Елена облизнула губы.

— Нет,— отрезал Дамон,— этого мы кусать не будем. Он какой-то малахольный, но у него ты будешь в безопасности. Я уже спал здесь. Пошли наверх.

Он привел ее на чердак с одним окошком, заваленный всяким хламом: тут валялись санки, лыжи, гамак.

В самой глубине на полу лежал старый матрас.

— Утром он даже не догадается, что ты здесь. Ложись.

Елена послушалась и легла, приняв максимально удобную позу: лежа на спине, сложенные руки прижимают к груди дневник. Дамон набросил кусок клеенки на ее босые ноги.

— Спи, Елена.

Он наклонился над ней, и на секунду девушке почудилось, что он собирается… что-то сделать. У нее смешались мысли. Его антрацитово-черные глаза заполнили все поле зрения. Потом он отодвинулся, и она снова смогла вдохнуть. Темнота чердака навалилась на Елену, глаза сами собой закрылись, и она провалилась в сон.

Просыпалась она медленно, с трудом вспоминая, что она делает на чердаке чьего-то дома.

Среди хлама, накрытого клеенкой, кто-то копошился — крысы или мыши, но их возня ее не беспокоила. Сквозь ставни пробивались полоски тусклого света. Елена сбросила свое импровизированное одеяло и отправилась на разведку.

Чердак был ей незнаком. Она чувствовала себя как после долгой болезни. Страшно хотелось знать, какой сегодня день.

Внизу кто-то разговаривал. Внутренний голос подсказал, что нужно вести себя тихо и осторожно. Она тихонько приоткрыла дверь и спустилась на лестничную площадку. Сверху ей была видна гостиная, она узнала ее, узнала кушетку, на которой сидела на вечеринке у Алариха Зальцмана. Она была в доме Рэмси.

Аларих был внизу, она видела его пшеничную голову. Его голос ей не понравился. Вскоре она поняла, почему: он звучал не нудно, как обычно на уроке, учитель не бубнил, а тихо и уверенно что-то говорил двоим мужчинам.

— Она может быть где угодно, буквально у нас под носом. Скорее всего, за городом, в лесу.

— Почему именно в лесу? — спросил один из мужчин. Елена узнала голос и лысину. Это был мистер Ньюкасл, директор колледжа.

— А вы вспомните — две предыдущие жертвы нашли около леса,— вмешался второй.

Похоже, это был доктор Файнберг. Интересно, что он здесь делает? И что, в конце концов, она здесь делает?!